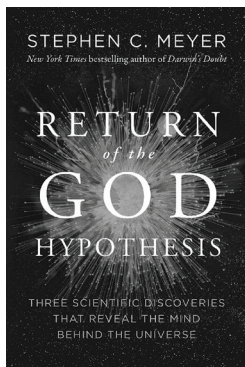

РЕЦЕНЗИИ

Meyer S. C.

Return of the God Hypothesis: Three Scientific Discoveries that Reveal the Mind Behind the Universe

New York (N. Y.): HarperOne, 2021. 576 p. ISBN 978-0-06-207150-7

УДК 2-21

DOI: 10.31802/GB.2022.44.1.017

Вопросы взаимоотношения науки и богословия являются одними из наиболее интересных в области христианской апологетики. Одним из ярких христианских апологетов является С. Мейер, доктор философии (PhD) Кембриджского университета в области истории и философии науки и активный сторонник так называемой «теории разумного замысла» (ID). Первые книги С. Мейера «Подпись в клетках»¹ и «Сомнение Дарвина»² вызвали широкий общественный резонанс и привлекли внимание большого круга учёных в различных отраслях научного знания. Острота дискуссий после публикации книг была столь сильной, что С. Мейер предпринял очередную попытку детально объяснить свои взгляды в своей новой книге «Возвращение к гипотезе Бога: три научных открытия, которые открывают Разум за Вселенной». Эта книга представляет собой наиболее всеохватное, строгое и доступное для прочтения изложение концепции замысла в области космологии и биологии.

В автобиографическом прологе С. Мейер объясняет, что в предшествующих книгах он стремился подчеркнуть, что биологические системы показывают свидетельства разумного замысла, последовательно уходя от ответа на вопрос в отношении того, чем или кем может быть

- 1 Meyer S. *Signature in the Cell: DNA and the Evidence for Intelligent Design*. New York (N. Y.): HarperOne, 2009.
- 2 Meyer S. *Darwin's Doubt: The Explosive Origin of Animal Life and the Case for Intelligent Design*. New York (N. Y.): HarperOne, 2013.

этот устроитель. В книге «Возвращение к гипотезе Бога» он представляет попытку показать, что классический теизм обеспечивает лучшим объяснением замысла, нежели конкурирующие с ним типы мировоззрений.

Поводом к написанию книги послужила публичная дискуссия в университете Торонто с профессором физики Л. Крауссом, который отстаивал атеистический взгляд на происхождение мира, а также активная пропаганда взглядов представителей «нового атеизма», в частности Р. Докинза, который подчёркивает, что в эволюционных процессах нет «ни замысла, ни цели, ничего, кроме слепого, безжалостного безразличия». Возражая новым атеистам, С. Мейер подчёркивает три ключевых научных открытия, которые ставят перед нами вопрос о замысле: (1) данные космологии, предполагающие, что материальная вселенная имела начало; (2) данные физики, предполагающие, что с самого начала вселенная была «тонко настроена» для того, чтобы допустить возможность появления жизни, и (3) данные биологии, предполагающие, что с самого начала большое количество новой функциональной генетической информации возникло в нашей биосфере, чтобы сделать возможным появление новых форм жизни (р. 14).

Первая часть книги «Возникновение и падение теистической науки», посвящена вопросам истории и философии науки, а также влиянию христианской картины мира на возникновение научного знания. С. Мейер подчёркивает, что «стандартная картина истории науки», пропагандируемая «новыми атеистами» и утверждающая, что наука и религия находятся и всегда находились в прямом и неустрашимом конфликте, не соответствует действительности. Профессиональные историки и философы науки подчёркивают неоспоримый факт, что христианская вера в Бога играла решающую роль в возникновении современной науки в Западной Европе XVI–XVII вв. Христианское учение о творении содержало тезисы, которые оказались чрезвычайно важными для возможности развития экспериментального естествознания: законосообразность природы, произвольный характер этой законосообразности, постижимость природы, вера в способность человеческого разума понять замысел Творца и др. Таким образом, подчёркивает С. Мейер, утверждаемая «новыми атеистами» тотальная несовместимость религии и науки не соответствует историческим фактам.

Во второй главе «Три метафоры и создание научной картины мира» автор рассматривает три ключевых метафоры природы как книги, часов и руководимой законами области. Как известно, метафора двух книг использовалась Г. Галилеем для обоснования его подхода

к естествознанию и соотнесению его со Священным Писанием. Однако истоки этой метафоры имеют глубокие святоотеческие корни. Одним из первых «сотворённую природу» называет «книгой», находящейся всегда в его распоряжении, когда он желает «читать Божьи слова», прп. Антоний Великий (III в.). Вслед за ним эту метафору использовали многие отцы Церкви, такие как свт. Василий Великий, свт. Иоанн Златоуст, прп. Ефрем Сирийский, блаж. Августин, прп. Максим Исповедник. Однако в эпоху Нового времени эта метафора стала обеспечивать особым богословским основанием для формального исследования естественного мира (р. 41). Тесно переплетающейся с христианским мировоззрением является и метафора часов, представленная в XIV в. в работах парижского богослова Н. Орема и игравшая важную роль в поиске физических механизмов природы в работах Р. Бойля (XVII в.). Кроме того, метафора «законов природы», которая широко используется в современной науке, также имеет глубокие библейские корни и не встречается в греко-римской философской традиции. С. Мейер подчёркивает, что наряду с этими тремя метафорами для таких учёных, как И. Ньютон, было важным понимание того, что законы природы не являются автономными, но являются выражением способа, каким Бог руководит миром.

Третья глава «Возникновение научного материализма и закат теистической науки» представляет собой попытку С. Мейера ответить на вопрос, как наука прошла путь от Ньютона до Докинза. Почему сегодня наука в общественном сознании прочно связывается с атеистическим мировоззрением, несмотря на то, что она имела глубокие религиозные истоки? С. Мейер полагает, что на это повлияли три основных причины: идея Просвещения, что человеческий разум может действовать автономно от религиозной веры, усиление скептицизма в отношении вопроса о существовании Бога и возникновение научного материализма (р. 62). С. Мейер полагает, что немаловажным фактором в возникновении научного материализма стал запрет на обсуждение гипотезы замысла и Бога. В XIX в. возникают новые научные нормы и практики, которые исключают обращение к божественной или разумным причинам по определению (р. 73). Если для одних это было методологическим правилом (методологический натурализм), то для других это стало оправданием материализма (онтологический натурализм). В результате, как отмечает С. Мейер, возникновение научного материализма трансформировало способ представления отношения между наукой и теистической верой до модели конфликта.

Вторая часть книги «Возвращение гипотезы Бога» включает в себя 7 глав, рассматривающих научные свидетельства, указывающие на существование Творца мира. Глава 4 «Свет от далёких галактик» начинается с обсуждения вопроса о начале мироздания и творении мира из ничего, а затем рассматривает историю появления астрономических свидетельств конечности Вселенной, а следующая глава — «Теория Большого взрыва» — посвящена истории формирования современной космологии расширяющейся Вселенной. С. Мейер признаёт, что открытие начала Вселенной привело многих учёных к серьёзному размышлению о возможности теистических следствий конечной Вселенной (р. 131). Среди них астрофизик из Гарварда О. Джинджерич, астрономы из Калифорнийского института технологий А. Сандэйдж, и Р. Джастроу из космического института Годдарда, которые не только являются первоклассными учёными в своих областях, но и мыслителями, которые пришли к пониманию, что за рамками материальной Вселенной должно находиться более фундаментальное объяснение её внутреннего порядка и организации.

Шестая глава «Кривизна пространства и начало Вселенной» посвящена вкладу в космологию учёных С. Хокинга и Р. Пенроуза и Дж. Эллиса, в частности проблеме космологической сингулярности, а также вкладу А. Линде, А. Гута и А. Виленкина в инфляционную космологию. Анализируя широкий спектр выводов, которые следуют из их работ, С. Мейер подчёркивает, что хотя в науке не существует строгих окончательных выводов, тем не менее, важно отметить, что доказательство теоремы Борде-Гута-Виленкина и сильное указание теорем о сингулярности Хокинга-Пенроуза-Эллиса усиливают свидетельства наблюдательной астрономии в пользу того, что Вселенная имела начало (р. 158).

Седьмая глава «Вселенная Златовласки» посвящена истории открытия и осмыслению «тонкой настройки» Вселенной или, говоря иначе, сложного баланса физических констант Вселенной, позволяющего ей на определённом этапе развития стать пригодной для жизни. Может ли чисто физический процесс соответствовать информационным требованиям, необходимым для того, чтобы произвести Вселенную, с точным соединением констант и сил, необходимых для производства жизни? Факт тонкой настройки фундаментальных констант Вселенной признаётся подавляющим большинством учёных, но далеко не все готовы признать, что этот тонкий баланс указывает на замысел Творца. С. Мейер приводит аргумент Дж. Полкинхорна с «порождающей вселенные машиной», рычаги управления которой определяют все характеристики

производимых вселенных. Небольшие сдвиги рычагов и кнопок могут привести к катастрофическим последствиям и произвести вселенные, совершенно лишённые возможности жизни. Дж. Полкинхорн не называет это доказательством существования Бога, но подчёркивает, что теистическое объяснение является лучшим объяснением по сравнению с материалистической гипотезой (р. 176). С. Мейер также приводит высказывание нобелевского лауреата по физике Б. Джозефсона (1973) о том, что выбор фундаментальных констант разумом за пределами Вселенной обеспечивает вполне естественным объяснением тонкой настройки.

Следующая глава книги «Предельная тонкая настройка — по замыслу?» нацелена на то, чтобы усилить линию аргументации, представленную в предшествующих главах. С. Мейер последовательно обсуждает в этой главе тонкую настройку начальных условий Вселенной, слабую и сильную версии антропного принципа и возможный способ объяснения, представленный в теории разумного замысла У. Дембски. С. Мейер является сегодня одним из наиболее последовательных сторонников теории Дембски. Следует, однако, подчеркнуть, что выражение «теория разумного замысла» предполагает, что замысел в природе может быть обнаружен средствами науки и сформулирован в рамках научных теорий. Это представляет серьёзную проблему, поскольку концепция замысла в модели Дж. Полкинхорна не функционирует как научная, но, скорее, как метафизическая или теологическая концепция. Поэтому далеко не все христианские богословы разделяют подход Дембски и Мейера, и потому «теорию разумного замысла» не следует смешивать с философскими или богословскими выводами о замысле во Вселенной. Отчасти это готов признать и С. Мейер, поскольку он приводит высказывание Дж. Полкинхорна о появлении сегодня «скромной» формы естественной теологии (р. 198).

В девятой главе «Происхождение жизни и загадка ДНК» автор рассматривает третий большой вопрос, которые он поставил в начале книги — что является источником биологической информации, закодированной в ДНК. Аргументы С. Мейера в данной главе касаются проблем, которые возникают, когда учёные пытаются объяснить появление информационной насыщенности ДНК посредством случайных мутаций. С. Мейер использует абдуктивное рассуждение, т. е. «вывод к наилучшему объяснению», чтобы показать, что всё, что мы знаем о производстве информации сегодня, свидетельствует о том, что она порождается только разумом. Этот вывод не является строгим доказательством,

но сильным аргументом в пользу замысла в биологических системах и опровергает вышеупомянутое нами высказывание Р. Докинза.

Десятая глава «Кембрийский и другие информационные взрывы» посвящена анализу научных концепций появления биологического разнообразия на нашей планете. Автор обсуждает трудности неodarвинистского объяснения эволюционного многообразия живых форм, а также объяснения информационной насыщенности живых организмов и их структур. С точки зрения С. Мейера эволюционные «взрывы» являются очередным свидетельством разумного замысла, подобно тому, как проблема происхождения первой жизни «не представляет собой отдельной аномалии, но фундаментальный вызов теориям химической и биологической эволюции» (р. 260) Информация, которая закодирована в ДНК, требует объяснения. Происхождение нуклеотидных оснований А, С, Т, и G могут, несомненно, пониматься на естественном химическом основании, но информация, закодированная в последовательности этих оснований, не может. Откуда приходит информация? Информация — будь то космологическая или биологическая — насколько мы знаем, всегда связана с разумной активностью. Это указывает на то, что ни Вселенная, ни жизнь не могут быть адекватно объяснены без обращения к некоторому типу разумной активности.

Во второй половине книги (части III–V) С. Мейер развивает свой главный аргумент в поддержку теистического понимания устройства в противоположность деистическому и атеистическому взглядам. Часть III «Вывод к наилучшему метафизическому объяснению» посвящена развитию и обоснованию этой аргументации. В 11 главе «Как оценивать метафизические гипотезы» автор рассматривает многообразие мировоззрений, разделяемых современными учёными, и полагает, что должны существовать определённые критерии оценки этих мировоззрений как конкурирующих метафизических гипотез. Исторические науки, такие как космология Большого взрыва и биологическая эволюция, не сводятся сами по себе ни к дедуктивной, ни к индуктивной формам рассуждения, поскольку они имеют дело с тем, что не может быть прямо наблюдаемо или воспроизведено в лаборатории. Это особенно важно в отношении единичных событий, таких как возникновение Вселенной и жизни. С. Мейер принимает идею абдуктивного рассуждения, развитую Ч. С. Пирсом, или «вывод к наилучшему объяснению». Поскольку мы не можем прямо наблюдать события, которые происходили в прошлом, лучшее, что мы можем сделать, это наблюдать результаты этих событий. Когда мы имеем множество конкурирующих

гипотез относительно видов процессов, которые могли быть причиной наблюдаемых следствий, мы должны сделать выбор между этими гипотезами посредством развития вывода к наилучшему объяснению. Но как мы определяем, какое объяснение лучше? Посредством рассмотрения, какое объяснение лучше согласуется с нашим опытом. Здесь необходимо подчеркнуть, что согласие с опытом предполагает не только согласие с экспериментальными данными, получаемыми в естественных науках, но также с опытом существования человека в мире.

Следуя этому представлению абдуктивного рассуждения, С. Мейер в последующих главах «Гипотеза Бога и начало Вселенной» (гл. 12), «Гипотеза Бога и замысел Вселенной» (гл. 13), «Гипотеза Бога и замысел жизни» (гл. 14) применяет его к космологическим и биологическим явлениям, которые он описал в первой половине книги. В каждом случае С. Мейер полагает, что полное объяснение требует объяснения происхождения информации. Поскольку в нашем регулярно повторяющемся опыте информация всегда прослеживается к разумному источнику, постулирование разума в космологических и биологических процессах является наилучшим объяснением происхождения информации, чем гипотезы, основанные на натуралистических предположениях. Но С. Мейер идёт дальше. Поскольку мы не знаем никакого физического процесса или закона, который может создать информацию, информационное содержание Вселенной и жизни не может иметь своего начала внутри самой Вселенной. Источник должен быть разумом, который стоит вне системы, что делает сверхъестественного устроителя наилучшим объяснением. Таким образом, С. Мейер приходит к традиционному теистическому пониманию творческого разума в противоположность деизму или пантеизму. Это не означает, что С. Мейер доказал существование Бога. Абдуктивное рассуждение не может дать решительного доказательства чего-либо. Всё, что оно может сказать, это продемонстрировать, что некоторая гипотеза лучше, чем другие. С. Мейер демонстрирует просто, что гипотеза Бога согласуется с открытиями современной науки и что она может быть лучшим объяснением, чем натурализм. Отвержение разумного замысла, следовательно, происходит из философской склонности к натурализму, а не из каких-либо установленных научных фактов.

В IV части «Домыслы и опровержения» С. Мейером рассматриваются возражения оппонентов, которые появились после публикации первых двух книг о возникновении и жизни и взрывном появлении биологического разнообразия (глава 15). Кроме того, автор рассматривает

некоторые из наиболее экстравагантных теорий, которые были разработаны с целью опровергнуть идею тонкой настройки Вселенной (главы 16–19). Это струнная теория и инфляционная космология, которые породили к теории мультивселенной и квантовой космологии, попытке удалить неудобную идею начала Вселенной в сингулярности (которая выглядит слишком похожей на уникальное событие творения!). Квантовая космология была популяризирована С. Хокингом в его «Краткой истории времени», но С. Мейер отказывается принимать высокий статус Хокинга, обеспечивает строгой и детальной аргументацией, почему квантовая космология не может «решить» проблему тонкой настройки. С. Мейер обладает впечатляющей компетентностью в естественных науках. Он движется непрерывно от дискуссий о квантовой механике, космологии Большого взрыва до сети регуляторных генов и тонкостей сценариев происхождения жизни, дискутируя с экспертами во всех этих отчаянных областях, так что можно быть уверенным, что он понимает их верно.

В пятой, заключительной, части С. Мейер размышляет о том, что произошло с наукой со времени И. Ньютона до настоящего времени и почему сегодня учёные, в отличие от Ньютона, стремятся вынести суждения о Боге за рамки науки. В 20 главе «Действия Божии или Бог белых пятен?» «Мейер анализирует концепцию «Бога белых пятен» и стремится показать, что аргумент от замысла не является заменой научного объяснения. Кроме того, апелляция к замыслу не является вариантом «аргумента от незнания». Сравнивая объяснения, представленные теистическим и материалистическим мировоззрением, С. Мейер приходит к выводу о причинной неадекватности материалистических объяснений и большем правдоподобии теистического объяснения.

Последняя глава книги «Большие вопросы и почему они важны» посвящена размышлению над «завещанием Хокинга» — книгой «Краткие ответы на большие вопросы», которая свидетельствует о том, что несмотря на всю свою серьёзную озабоченность «большими вопросами», Хокинг так и не смог найти верного ответа на них. Размышляя о больших вопросах, автор обращает внимание на эпистемологическую необходимость теистического мировоззрения, которое является объединяющими рамками для всего корпуса знания, которым обладает человечество. Обсуждая свои взгляды с философом Т. Нагелем, С. Мейер объяснил ему, почему является религиозным человеком, на что Т. Нагель ответил: «О, да, нет вопросов, что теизм решает множество философских проблем». При этом Т. Нагель прямо подчеркивает, что он желал

бы, чтобы атеизм был истинным. С. Мейер указывает, что для таких серьёзных людей отвержение Бога их личным выбором прежде любых аргументов и рассуждений. В то же время в отличие от Т. Нагеля, С. Мейер выбрал сложный, но интересный путь — подчеркнуть когерентность теистического мировоззрения с опорой на то, что нам открывает наука о мироздании: «Нам нет нужды «изобретать» Бога или даже принимать существование Бога как простую философскую необходимость. Вместо этого, размышление над свидетельствами, может позволить нам открыть — или открыть заново — реальность Бога. И это действительно благая весть. Мы не одиноки в огромной безличной и бессмысленной Вселенной — продукте «слепого безжалостного безразличия». Напротив, свидетельства указывают на личный разум позади физического мира, который мы наблюдаем» (р. 521).

Стивен Мейер является прекрасным популяризатором научных концепций и демонстрирует глубокое понимание истории и философии науки. Книга, безусловно, не оставит равнодушным никого, кто интересуется вопросами современной естественнонаучной апологетики. Многие из линий аргументации С. Мейера являются ценными — независимо от принятия или непринятия «теории разумного замысла», поскольку большинство христианских богословов понимают, что концептуализация замысла происходит не столько на научном, сколько на философском и богословском уровне.

Протоиерей Димитрий Кирьянов
кандидат богословия
кандидат философских наук, доцент